К. Н. БЕСТУЖЕВ-РЮМИН

Славянофильское учение и его судьба в русской литературе <фрагмент>

Полное собрание сочинений И. В. Киреевского, 2 т. М.,1861. Полное собрание сочинений К. С. Аксакова, т. 1. Сочинения исторические. М., 1861. Полное собрание сочинений А. С. Хомякова. Т. Собрание отдельных статей и заметок разнородного содержания. М., 1861

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

> Новое, еще не вполне выразившееся направление может быть предметом отвлеченной конструкции. Но определенная действительность непременно будет насмехаться над ним, потому что не вдруг оно является тем, чем должно быть, а все совершающееся имеет необходимо слабую, открытую для насмешек сторону.
>
> *Стефенс*

«Славянофилы»... сколько насмешек при этом имени пробуждается в уме каждого русского читателя! Кто не изощрял своего остроумия над славянофилами: от г. Челышевского [1] до г. Чернышевского, от покойного «Атенея» до «Искры» и «Гудка»![2] Сам Белинский был беспощаден к славянофилам; да и он ли один? И что же? Славянофильство живо до сих пор; учение это так стойко, как и прежде, только еще более вросло в почву и каждый день находит себе новых и новых союзников, и ни одному сколько-нибудь живому органу мысли (или, по крайней мере, имеющему претензию быть таковыми) нельзя пройти молчанием тех ответов на общественные вопросы, которые по-

стоянно предлагаются славянофильскими журналами. Мало того: судьба, не щадящая русской мысли, выхватила и из круга славянофилов самых энергических, самых передовых их деятелей, тех, кого сама партия считает главными своими вождями и представителями; но даже и это роковое событие не послужило во вред партии: она продолжает борьбу, и в настоящую минуту едва ли не ее органу принадлежит первенствующее место в русской журналистике. Чем же сильна эта партия, еще так недавно известная под полупрезрительным названием «кружка»? Чтобы отвечать на этот вопрос, мы рассмотрим мнения ее главных представителей; но этому рассмотрению считаем нужным предпослать несколько общих замечаний, касающихся как характера школы, так и ее отношений к другим направления русской литературы. Без этих общих замечаний наша критика будет неполна и отрывочна, ибо вожди славянофильства, сходясь между собою во многих общих началах, тем не менее отличаются каждый своим личным характером, как и следовало ожидать от таких умных и самостоятельных людей, каковы были Киреевский, Хомяков и К. Аксаков.

Выписанные нами слова Стефенса очень много помогают пониманию того отношения, в которое стала русская литература к славянофилам с их первого появления как особого литературного и общественного учения. Отвлеченное построение, державшееся в одних общностях, поражавшее умы, привыкшие к подробному и ясному изложению того, что выработано и испробовано на Западе, было первою причиною непонимания; к этому присоединялось весьма ясное и открытое учение «Маяка», который многими и тогда, как и теперь, смешивался с славянофильскими журналами; а «Маяк» отличался направлением более, чем странным: в свое время он был тем же, чем теперь стала «Домашняя беседа» [3]. Мы готовы, впрочем, думать, что «Маяк» был бессознательнее «Домашней беседы» и что его увлекал поток его мыслей, а не что-либо постороннее. Но до этого никому не было дела и очень основательно: «Маяк» проповедывал странные вещи, взывал к темным силам, а время и само по себе было не очень светлое. Много мужества и ловкости требовалось тогда от всякого честного деятеля, многое приходилось говорить полусловами и намеками, и тяжело было переносить, что эти намеки объяснялись иной раз даже ярче, чем они представлялись тому, кто их писал. Тяжело было думать, что на многое даже и ответить нельзя... Ясно, что от всего этого накопилось много желчи, много горечи. Не вступая в прямой спор с «Маяком», даже редко затрагивал «Москвитянин», который часто го-

ворил то же, что и «Маяк», и по неловкости впадал в его промахи, критика того времени, в особенности главный представитель ее Белинский, тем беспощаднее преследовала славянофилов, которые в то время только что начинали свою деятельность. Разбирать, в чем состояло отличие этих трех направлений, тогда было не время, тем более что за неимением своего отдельного органа славянофилы писали в «Москвитянине» и некоторые из них были постоянными сотрудниками этого журнала, несмотря на то, что во многом должны бы были, кажется, расходиться во взгляде с его редактором, г. Погодиным, например, хоть во мнении о Петре Великом[4]. К тому же, журнал этот нередко относился к современной ему действительности вовсе не так, как могли бы желать славянофилы; но зато г. Шевырев превозносил древнерусскую словесность, г. Погодин жарко и благородно стоял за западных славян: а эти два предмета особенно любезны славянофилам. В «Москвитянине» же по временам встречалась защита старорусского костюма, который славянофилы в то время надели. Это последнее обстоятельство прежде всего прочего обратило на них внимание общества, которое долго и упорно хотело в них видеть исключительно защитников мурмолки, охабня и бороды*. За этою внешностью, как всегда случается, проглядели истинное содержание учения. На нее же были направлены и насмешки литературы. Особенно сильны сделались споры, когда появились «Исторический сборник» Валуева[5] с предисловием Хомякова и два «Московские сборника». В них славянофилы открыто бросили перчатку всей литературе того времени, объявив ее ненародною. Вследствие этого их начали даже смешивать с теми противниками «натуральной школы», тогда всевластной, которых называли последователями *риторической* школы[6]. Как мало учение славянофилов понималось их соперниками даже в то время, когда эти соперники смотрели на них более благосклонно, то есть не смешивали их с «Маяком», доказывается следующими словами Белинского: «Рассмотрев его (славянофильство) ближе, нельзя не увидеть, что существование и важность этой литературной котерии[7] чисто отрицательные, что она вызвана и живет не для себя, а для оправдания и утверждения именно той идеи, на борьбу с которою обрекла себя... Положительная сторона их доктрины заключается в каких-то туманных, мистических предчувствиях победы Востока над Западом»**. По мнению критика, важнее отрицательная

* Что и до сих пор видит в них г. Павлов.

** *Белинский В. Г.* Собр. соч.: В 12 т. М., 1862. Т. XI. С. 20.

сторона, именно то, что они говорят против русского европеизма; но и в этом отношении заслуга их ограничивается указанием недостатка, источника которого они, по мнению критика, не поняли, ибо источник не реформа, как думают славянофилы, а то, «что Россия вполне исчерпала, изжила эпоху преобразования, что реформа совершила свое дело, сделала для нее все, что могла и должна была сделать, и что настало для России время развиваться самобытно, из самой себя». Вот как не понимали славянофилов даже при полном желании сохранить беспристрастие! Статья, из которой мы сделали выписку, вызвала ответ в «Москвитянине», на который Белинский отвечал уже гораздо запальчивее. К тому же времени принадлежит и начало спора между славянофилами и защитниками родового быта, к которому мы возвратимся, когда будем говорить о К. Аксакове. Теоретическая история, начавшаяся под знаменем родового быта, перерождалась мало-помалу в так называемое отрицательное направление, главными представителями которого стали гг. Соловьев и Чичерин. Отличительная черта этого направления — приписывание всего правительственной инициативе, восхваление начала централизации и реформы Петра. В сущности, оно было приложением к русской истории тех начал, которые некогда Белинский прилагал к литературе, а потому должно было встретить возражение со стороны славянофилов. Закипела борьба, в которой приняли участие все наши журналы — и все стали против славянофилов. Особенною яростью отличились «Атеней», «Русский вестник» и «Московские ведомости». Не будем подробно излагать этой борьбы, что завлекло бы нас слишком далеко, а припомним только, что и большинство публики было тогда не на стороне славянофилов; но они не унывали, а, напротив, все более и более уходили в глубь русской жизни, все ближе и ближе подходили к действительности; что было неясным очерком вначале, то получило впоследствии плоть н кровь: мы наклонны думать, что самая борьба много способствовала уяснению. Наконец, явился «Парус», а за ним «День» [8]. Русская публика хорошо знает, на чьей стороне оказалось большинство, несмотря на разнообразные свистки [9].

Напомнив в общем очерке борьбу славянофилов с их противниками, мы перейдем теперь к главным чертам их учения и тем сторонам его, на которых все равно сходятся. Заметим предварительно, что учение это в его настоящем виде мы вовсе не считаем ни идеально полным, ни идеально верным; но думаем только, что никто еще ближе славянофилов не подходил русской действительности, несмотря на то, что в их учении есть

стороны, далеко не удовлетворяющие мыслящего человека нашего времени. Вследствие чего беспристрастное рассмотрение этого учения составляет одну из существеннейших потребностей нашей литературы: пора безотчетных возгласов, толков о мистицизме и об антиисторическом направлены давно прошла.

Противники славянофилов, говоря о них, прежде всего нападают на «слияние с народом», или на «поворот к допетровской Руси». Оба эти пункта, как видит каждый, кто сколько-нибудь вдумался в дело, в сущности сливаются. Возвращение к допетровской Руси значит развитие тех общественных и политических начал, которых деятельность остановлена реформою; слияние с народом значит обращение к этим началам, между которыми первое место занимает община, некогда не ограничившаяся тесными пределами села. Что страшного в этом? — предоставляем судить читателям. Конечно, для достижения этой цели придется пожертвовать многим, чем мы гордимся, как признаком нашего европеизма: цехами, гильдиями, городовым положением и т. п. благами; но точно ли от этого мы много потеряем? вот вопрос. Но нам не того надо; мы ждем, когда вырастет среднее сословие и, по известной уже, заранее готовой программе, явится с своими новыми требованиями. Нужно ли для этого вырастать среднему сословию, мы не знаем, но предполагаем, что нужно, когда так повелось в образованной Европе. Так уж нам отставать не следует. Вот в глазах многих первый грех славянофилов, первый признак их отсталости. Далее, они толкуют об охранительном начале, о силе обычая, восхищаются и английскимиториями и подозрительно смотрят на вигов. Опять какая-то странность; мы люди прогрессивные: мы презираем обычаи, нам нужна смена; смешно же в век паровых машин и электрических телеграфов задерживать жизнь! Вот в этом-то и состоит затруднение; вы боитесь, чтоб жизнь не задержали, а славянофилы боятся, чтоб ее не слишком сильно двинули, и, главное, не двинули бы насильственно, причем, как известно, без ломки не обходится; а ломка ведет к новым постройкам по новому плану, а постройки такого рода редко доводятся до крыши; чаще же всего их приходится снова ломать и снова строить, опять неизвестно, надолго ли. Словом, славянофилы хотят, чтоб дали жизни свободу развиваться, как ей угодно, не задерживая и не понукая ее; они думают, что то и другое равно вредно; действительно, оба пути нередко соединяются, и обществу навязывается известный порядок, к которому оно вовсе не стремилось, который противен и народному духу, и складу народного ума. Народность — вот главный лозунг сла-

вянофилов. Понятие это не раз смущало и спутывало их противников. Что такое народность? спрашивают многие и обыкновенно приходят к тому ответу, что народность есть нечто неделимое и невесомое, что до такой степени присуще человеку, что от нее он не может отделаться, как от своей личности. Вследствие чего о народности нечего и думать; а другие прибавляют еще, что от народности следует отделаться как от средневекового предрассудка. Есть ведь и такие, которые почти также смотрят и на личность. С этим мнением, разумеется, нельзя согласиться. Положим, что народность есть личность народа, то, чем он отличается от других народов; но все-таки нельзя сказать, чтоб эта личность оставалась неизменною, несмотря ни на какие благоприятные или вредные условия. Положим, что мы стали бы в известном смысле воспитывать какого-либо человека: неужели личность его остается неизменною и не погнется в ту или другую сторону: не наклонится на ту сторону, в которую мы ее тянули, или не качнется в другую, совершенно противоположную — и то, и другое более, чем можно было бы ожидать от ее отличительных свойств? То же бывает н с народом: разве крепостное право не наложило своей печати на весь народ русский? разве реформа прошла для него бесследно? разве до сих пор незаметно влияние татарского ига и т. д.? Следственно, никак нельзя отрицать того, что половина русского общества, и притом половина самая образованная, оторвалась от народа, потеряла народность и что ей надо восстановить — может быть, вернее будет сказать, возбудить в себе народность; разрыв между двумя половинами русского народа ясен, и он был положительно вреден для обеих частей: для более образованной тем, что разрушил ее связь с остальною, а для необразованной тем, что погрузил ее в полное невежество. Теперь, по мнению славянофилов, настала удобная пора для этого слития, потому что, с падением крепостного права, пали последние, существенные преграды между сословиями. В этом падении, заметим мимоходом, славянофилы принимали такое сильное участие, что наши прогрессисты не должны были бы относиться к ним свысока, как к «защитникам рабства и невежества» — мы помним в прежнее время кое-где подобную фразу.

Любя народ и постоянно стремясь к соединению с ним, славянофилы высказывали нередко, в чем; по их мнению, состоит главным образом русская народность: русский народ есть по преимуществу народ православный. Здесь мы никак не может согласиться с их мнением; православие, как религия заимствованная, не может служить отличительным признаком народа.

Конечно, религия первоначальная, созданная самим народом, то есть мифология, выражает многие характеристические черты народа, наконец, она растет и развивается с самим народом; потому греческий Олимп с выросшею на его развалинах философиею, служит выражением народного характера; то же можно сказать и о римском Пантеоне, но никак нельзя того же сказать о православии, которое принято нашим народом вполне готовое. Конечно, многое он принял по-своему: много ходит в народе поверий и преданий, созданных его умом и его фантазией, которых вовсе не признает Церковь. Народ считает себя православным, и он совершенно прав в том смысле, что все эти поверья, все наивные верования, к которым с такою любовью прислушивается историк и этнограф, созданы в простоте младенческого верования, а вовсе не по суемудрию; но в глазах Церкви, особенно в том виде, как ее представляет себе самый идеальный из славянофилов, покойный Киреевский, все эти поверья не свидетельствуют о православии народа, а скорее о том, что народ не развился до той высоты понимания, которая доступна была отцам Церкви. Вопрос о том, что существенные религиозные истины, нужные для спасения человека, доступные младенцам и людям простым, здесь вопрос посторонний, ибо мы говорим преимущественно о том, может ли православие служить характеристикою народа, — и отвечаем: нет, ибо если вера и существует в сердце, то в сознании она мешается с вещами, совершенно ей чуждыми. Словом, употребляя термин, вошедший уже в науку, русский народ до сих пор живет в периоде двоеверном... мы говорим не только о раскольниках, но даже и о православных. Характер этого двоеверия чрезвычайно любопытен: на нем отразилась вся история народа от той эпохи, когда славянские племена начали поклоняться силам природы, необлеченным в определенный образ, и до наших дней. Но двоеверие — не православие, хотя элемент христианский в нем чрезвычайно силен. Духовные стихи и легенды служат лучшим доказательством такого состояния народного сознания. Следственно, может ли служить отличием народным то, что не вполне господствует в его сознании? С этою первою чертою народного характера славянофилы связывают все остальные; на первом плане стоит цельность сознания, высшая разумность, исключающая преобладание рассудочности, характеризующей латинскую цивилизацию, Римскую церковь, а через них и всю европейскую цивилизацию. Все эти мысли яснее других развивал Киреевский. Вот что он говорил:

«Классический мир древнего язычества, не доставшийся в наследие России, в сущности своей представляет торжество формального разума человека над всем, что внутри и вне его находится, — чистого голого разума, на себе самом основанного выше себя и вне себя ничего не признающего и являющегося в двух свойственных ему видах — в виде формальной отвлеченности и отвлеченной чувственности. Действие классицизма на образованность европейскую должно было соответствовать тому же характеру.

Не потому ли, что христиане на Западе поддались беззаконно влиянию классического мира, или случайно ересь сошлась с язычеством, но только Римская церковь в уклонении своем от Восточной отличается именно тем же торжеством рационализма над преданием, внешней разумности над внутренним духовным разумом. Так вследствие этого внешнего силлогизма, выводимого из понятия о божественном равенстве Отца и Сына, изменен догмат о Троице, в противность духовному смыслу и преданию; так вследствие другого силлогизма папа стал главою Церкви вместо Иисуса Христа, потом мирским властителем, наконец, непогрешимым; бытие Божие во всем христианстве доказывалось силлогизмом; вся совокупность веры опиралась на силлогистическую схоластику; инквизиция, иезуитизм, словом, все особенности католицизма развились силою того же формального процесса разума, так что и самый протестантизм, который католики упрекают в рациональности, произошел прямо из рационального католицизма».

«Весь частный и общественный быт Запада, — продолжает Киреевский, — основывается на понятии об индивидуальной, отдельной независимости, предполагающей индивидуальную изолированность. Оттуда святость внешних формальных отношений, святость собственности и условных постановлений важнее личности. Каждый индивидуум — частный человек, рыцарь, князь или город, внутри своих прав, есть лицо самовластное, неограниченное, само себе дающее законы. Первый шаг каждого лица в обществе есть окружение себя крепостью, из нутра которой оно вступает в переговоры с другими и независимыми властями» [10].

О России тот же автор говорит следующее:

«Рассматривая общественное устройство прежней России, мы находим много отличия от Запада, и во-первых, образование общества в маленькие, так называемые миры. Частная, личная самобытность, основа западного развития, была у нас так мало известна, как и самовластие общественное. Человек

принадлежал миру, мир ему. Поземельная собственность, источник личных прав на Западе, была у нас принадлежностью общества. Лицо во столько участвовало в праве владения, во сколько входило в общество.

Но это общество не было самовластное и не могло само себя устроивать, само изобретать для себя законы, потому что не было отделено от других ему подобных обществ, управлявшихся однообразным обычаем. Бесчисленное множество этих маленьких миров, составлявших Россию, было всё покрыто сетью церквей, монастырей, жилищ уединенных отшельников, откуда постоянно распространялись повсюду одинакия понятия об отношениях общественных и частных. Понятия эти мало-помалу должны были переходить в общее убеждение, убеждение в обычай, который заменял закон, устроивая, по всему пространству земель, подвластных нашей Церкви, одну мысль, один взгляд, одно стремление, один порядок жизни» [11].

Из понятий славянофилов о центральном значении религии и обычая истекает мысль о преобладании внутренней правды, то есть закона нравственного, над правдою внешнею, договорною, юридическою; необходимость единогласия и коренное различие между правительством и народом, из которых первое представляет право, а последнее правду; наконец, необходимость между ними любовного союза, исключающего всякий договор и всякие обеспечения, ибо и договор и обеспечения (не лучше ли «охраны»?) нарушают внутреннюю правду. Эти взгляды славянофилов лучше других выразил К. Аксаков. Вот что он говорит:

«Нравственное дело должно и совершаться нравственным путем, без помощи внешней, принудительной силы. Вполне достойный путь один для человека — путь свободного убеждения, путь мира, тот путь, который открыл нам божественный Спаситель и которым шли его апостолы. Этот путь *внутренней правды* смутно мог чувствоваться и языческими народами. Не силою принуждения, но силою жизни самой истребляется всё противоположное истине, дается мера и строй всему. Разлад, который происходит здесь от несовершенства человеческого, покрывается опять жизнью же.

Существует другой путь — продолжает Аксаков, — гораздо, по-видимому, более удобный и простой; внутренний строй переносится вовне, и духовная свобода понимается только как *устройство, порядок* (наряд); основы, начала жизни понимаются как правила и предписания. Всё формулируется. Это путь не внутренней, а внешней правды, не совести, а принудительного закона. Но такой путь имеет неисчислимые невыгоды. Прежде

всего формула, какая бы она ни была, не может обнять жизни; потом, налагаясь извне и являясь принудительно, она утрачивает самую главную силу, силу внутреннего убеждения и свободного ее признания; потом далее, давая человеку возможность опираться на закон, вооруженный принудительною силою, она усыпляет склонный к лени дух человеческий, легко и без труда успокоивая его исполнением наложенных формальных требований и избавляя от необходимости внутренней нравственной деятельности и внутреннего нравственного возрождения. Это путь внешней правды, путь государства. Этим путем двинулось западное человечество» [12].

«При началах согласия, — говорит он в другом месте, — которые легли в основу русского государства, народ и власть должны были стать в совершенно особые отношения, непохожие на западные. При такой основе, как должен смотреть народ на власть? Так, как на власть, которая не покорила, но призвана им добровольно, которую потому обязан он хранить и чтить, ибо он сам пожелал иметь ее; народ в таком случае есть первый страж власти. Как должна власть смотреть на народ? Как на народ, который не покорен ею, но который сам призвал ее, почувствовав ее необходимость, который, следственно, не есть ее униженный раб, втайне мечтающий о бунте, но свободный подданный, благодарный за ее труды, и друг неизменный. С обеих же сторон, так как не было принуждения, а было свободное соглашение, должна быть полная доверенность» [13].

О гарантиях Аксаков говорит прямо: «Гарантия не нужна! Гарантия есть зло. Где нужна она, там нет добра; пусть лучше разрушится жизнь, в которой нет доброго, чем стоять с помощью зла» [14].

«Право духовной свободы, — говорит Аксаков, — другими словами — свобода мысли и слова, есть неотъемлемое право Земли: только при нем — никаких политических прав она не хочет, предоставляя Государству неограниченную власть политическую. Сила нравственная, эта свобода мысли и слова, есть элемент, в котором живет и движется Земля, при котором только она отказывается от всякой политической власти. Но, кроме постоянного бытия в свободе нравственной, Государство созывает Землю на совет в тех случаях, когда находит это нужным. Тогда, по призыву Государя, от всех сословий, со всех концов России собираются выборные люди, и этот собор выборных людей называется Земским Собором или Земскою Думою» [15].

Об единогласии Аксаков выражается следующим образом:

«При требовании свободного соглашения, совещание не может окончиться, пока все не соединятся в одну мысль, пока не будет общего согласия, пока, говоря словами летописи, не снидутся в любовь; отсюда вытекает начало единогласия при решении общины, начало славянское, от первых времен и доселе свято хранимое русским народом. Понятно, что начало большинства есть начало, по которому согласие является ненужным, начало насильственное, побеждающее лишь физическим преимуществом: которых *больше*, те одолевают тех, которых *меньше*. Единогласие трудно; но всякая нравственная высота трудна, и всего труднее быть христианином; из этого не следует, чтоб человек отказался от нравственной высоты и от христианства» [16].

Останавливаясь с глубоким уважением перед этим высокочеловечным и высоконравственным идеалом, удивляясь тонкости философского анализа, с которым раскрыт этот идеал во многих статьях славянофилов (удовольствие познакомиться с подробностями мы предоставим себе ниже), мы должны сознаться, что осуществление его трудно на земле; бывают и в жизни народа и в жизни отдельного человека минуты, когда этот нравственный идеал осуществляется; но, к сожалению, жизнь состоит не из одних таких торжественных минут. Сами славянофилы видят, что в прошедшем было много условий, мешавших полному осуществлению идеала, открывавших доступ к порче: Византию испортил элемент римский (по мнению Хомякова)[17], Русь — то обстоятельство, что у нас византизм иногда принимали за православие (мнение Киреевского); отчего же будущее должно быть свободно от таких неблагоприятных условий? Дело в том, что любовные отношения всякого рода именно и дали то направление русской истории, которое она получила триста лет тому назад. Разве мало было любви в Иване IV, когда он плакал перед выборными и обещался загладить все бедствия боярщины, а что сделал Грозный? Разве не на любовном основании собор вручил Россию Михаилу Романову?.. Позвольте, однако, и здесь любовь получила некоторое письменное утверждение, впрочем, этого утверждения уже не требовали с Алексея Михайловича «потому, что разумели его гораздо тихим». Высокое свойство любовь; но на ней одной не строятся общества гражданские, хотя и горе тем обществам, в которых ее нет, точно так же, как тем, где внешняя формальная правда подавила внутреннюю; без их соединения общество становится шатким, и только восстановление равновесия может спасти его от гибели. Но полного торжества правды на земле, полного равновесия

еще нигде не было; будем надеяться, что оно придет тогда, когда настанет полное торжество сознания. В этом великом слове вся будущность человечества. Мы глубоко уважаем славянофилов именно за то, что они признают верховное значение сознания и первым условием поступательного движения ставят свободу совести и свободу слова, вследствие чего и восстают против всякого насилия, откуда бы оно ни шло; но торжество сознания медленно: вот где подводный камень учения об единогласии, одного из основных начал славянофильской доктрины. Положим, что в тесном круге дел «мира» возможно довести всех до соглашения потому, что в русском человеке крепко убеждение в правоте мира и интересы так просты, что нетрудно довести виновного в отступлении до сознания своей неправды; но перенесите то же начало на более широкую сцену, в среду интересов, более сложных и разнообразных, помирите ториев с вигами — что тогда будет? Гражданское общество должно умереть, ибо без борьбы мнений нет жизни: борьба мнений, борьба партий не есть вражда, а только различное отношение к одному общему основанию, к одной почве. Вы допускаете свободу совести и слова, вы даже требуете их, следовательно, узаконяете разногласие во всех важнейших вопросах; следовательно, невольно должны допустить большинство и меньшинство, ибо в вопросах, составляющих сущность гражданской жизни, у всякого слагается свой взгляд, который отражается на всем, что он говорит; он может сделать уступку в известном пункте, т. е. по большей части, прибегнуть к практической сделке, следовательно, удалиться на время от внутренней правды и водворить правду внешнюю. Пока мы с вами в идеале, нельзя не уважать нашего твердого убеждения в необходимости одной правды внутренней; но помните, что вечная правда принимает временные формы: их-то и не следует забывать. Вообще воззрение славянофильское слишком — целостно, слишком — идеально и потому вполне верно только в крупных чертах: история для них является едва ли не чем-то внешним; внутренняя же сущность остается неизменна: оттого они относятся к богатырям времен Владимира как к героям современной жизни, а к общине дорюриковской как к миру XIX века, оттого земские соборы являются у них вечем всей русской земли. Практических нужд, вызывавших это учреждение, представляющее скорее зачатки будущего, чем остатки прошлого, они знать не хотят.

Оканчивая общую характеристику славянофильских воззрений, мы не можем не остановиться на одном свойстве этой школы, которое придает особенную силу и живучесть их убеждени-

ям. Дело в том, что эти убеждения идут не из головы, а из сердца, полного любви и веры, оттого они и действуют так обаятельно: недаром же сказал француз Вовенарг: «Les grandes pensées viennent de cœur» *. В наше время немногие верят в то, что они говорят, немногие любят то, что они делают. Вера придает особую силу и энергию убеждению, любовь делает его несокрушимым. Вот почему еще до сих пор, не вполне освободясь от теории высокой и благородной, но все-таки теории, славянофилы сделали так много, и еще больше им предстоит сделать впереди. Они верят в святость слова и не позволят себе злоупотреблять им для личных целей; они верят в будущее народа и, конечно, признают его волю.

Сказанного достаточно, чтобы перейти к отдельным характеристикам. Заметим предварительно, что всех отвлеченнее Киреевский, знавший преимущественно только православие и не могший освободиться от романтической точки зрения, соединенной с Шеллинговой философией; Хомяков составляет переход от философского воззрения Киреевского к историко-бытовому воззрению Аксакова. Вот почему мы и будем рассматривать их именно в этом порядке. <...>

* Великие мысли идут от сердца *(фр.)*. — *Ред.*